

Глава 24. Ему оказали честь

Бай Чжунье готов был признать: в тот день, когда Му Няньчэнь вернулся, подняв мятеж, и бросил отрубленную голову Бай Вэньгуаня к его ногам, он испытал неопишное облегчение. Глядя на подол своего белого платья, окропленный чужой кровью, он чувствовал горькое, почти болезненное торжество.

Этот человек с самого детства презирал его происхождение, его титул, его мать — презирал всё, что было ему дорого. Бай Вэньгуань играл его судьбой, точно забавлялся с никчёмным насекомым, а у Чжунье не было сил даже на протест. Он был официально признанным наследником, а жизнь кронпринца всегда ценилась выше, чем жизнь опального принца-изгоя.

Едва весть о беде достигла северных рубежей, пятнадцатилетний Му Няньчэнь сорвался с места. Его лицо тогда ещё хранило юношескую мягкость, но во взгляде застыла стальная, непоколебимая решимость. Он летел к столице на верном коне, поднимая за собой вихри песка и пыли. Бай Чжунье, ослепленный этой бурей, поднял покрасневшие глаза и замер, заворожённый его стремительным силуэтом. Няньчэнь, не сбавляя хода, вскинул лук и, пригнувшись к луке седла, выстрелил прямо через плечо Чжунье. Раздался резкий свист, и стрела насквозь прошла бок свирепого тигра, прыгнувшего было на принца. Кровь брызнула на высокую стену.

— Я — сын полководца семьи Му, — вкрадчиво произнёс Няньчэнь, приставив лезвие к горлу Бай Вэньгуаня. — С малых лет я привык держать в руках меч, а не кисть. Я не чета вашим паркетным грамотеям: у меня рука может и дрогнуть, если сердце прикажет. Одно неловкое движение — и жизнь старшего принца оборвётся.

Холодная сталь коснулась подбородка. Чувствуя за спиной ледяное дыхание Му Няньчэня, Бай Вэньгуань едва не лишился чувств. Он замер, боясь пошевелиться, и поспешно приказал страже отступить, велел унести измученного, едва живого Бай Чжунье с залитого кровью места казни.

Чжунье обмяк, точно сломанная кукла. Он едва дышал, позволяя грубым рукам стражников перекладывать себя, и лишь сквозь узкую щелку век наблюдал, как по бледному небу беззвучно проносятся чёрные тени перелётных птиц.

Му Няньчэнь бросился к нему и рывком прижал к себе. Он обнимал это худое, безвольное тело с такой силой, словно хотел срастись с ним костями.

— А-Е, это я! — в отчаянии звал он, не видя ответа. — Посмотри на меня, открой глаза!

Лишь нащупав на запястье слабый пульс, он немного успокоился.

— Ты... ты и впрямь посмел помыслить об убийстве монарха? — Бай Вэньгуань, оказавшись в безопасности, тут же отскочил назад и затрясся от злости. — Как ты смеешь так дерзить мне!

Если отец узнает, он истребит весь твой род до девятого колена!

— Неужели? — голос Няньчэня был подобен северному ветру. — Воины Му сотни лет служили династии Цзин, проливая кровь на полях сражений. Для народа мы — сама плоть и кровь этого государства, его опора. А ты — лишь один из множества принцев. Твой титул ещё ничего не значит, а ты уже возомнил, что вправе распоряжаться жизнями сотен моих людей?

— Я — первенец и законный наследник!

— И что с того? — парировал Няньчэнь. — Тебе не хватает ни милосердия, ни мудрости, ни рассудительности, которой обладает А-Е. Как такой глупый и подлый человек сможет править поднебесной?

— Бай Чжунье — всего лишь бездомный пёс! Как ты смеешь сравнивать его со мной? — Вэньгуань в ярости указал на принца, лежащего в лохмотьях на руках генерала. — Рано или поздно отец вышвырнет его за ворота города, и он больше никогда не посмеет сюда вернуться! Запомни мои слова: в тот день его титул не будет стоить и гроша! Му Няньчэнь, опомнись! Ты — единственный наследник военной мощи Му. Неужели этот бесполезный калека, которому на роду написано прозябать в нищете, стоит твоей защиты? А?

Няньчэнь не удостоил его ответом. Подхватив Чжунье на руки, он зашагал прочь, и лишь холодный ветер донёс его последние слова:

— Тогда я сам стану его властью.

***

Кси-ик.

Кисть внезапно выскользнула из пальцев, упав на рисовую бумагу и оставив на ней несколько неаккуратных клякс. Бай Чжунье вздрогнул, возвращаясь в реальность. Он перевёл тяжёлый взгляд на колышущуюся жёлтую занавесь.

Прошло около получаса, а силуэт Му Няньчэня за ширмой оставался всё таким же неподвижным. Он стоял на коленях, прямой как натянутая струна. В этом человеке всегда жила железная воля, позволявшая ему, закалённому в боях и иссечённому шрамами, никогда не склоняться перед трудностями.

Этот человек был для Чжунье единственной опорой, единственным смыслом жизни. Когда его мать приговорили к смерти, мир для него рухнул. Больше всего на свете он хотел броситься вслед за ней в тот заброшенный колодец и никогда больше не просыпаться. Но он выжил. И помогла ему в этом не власть, а собственная хитрость и холодный расчёт.

В тот год, когда его отец скончался, Му Няньчэнь наконец заполучил военную печать и отправился на границы усмирять варваров. Его не было десять лет.

Все эти годы Бай Чжунье, лишённый поддержки семьи Му, выгрызал себе право на жизнь в недрах императорского дворца. Он действовал осторожно, шёл на уступки, терпел бесконечные унижения и насмешки, но в глубине души знал: он не просто влачит жалкое существование. Он живёт ради того дня, когда вернётся его А-Чэнь.

«Благородные цели требуют долгого пути»

Прежде он никогда не жаждал славы или богатства, но, оказавшись в эпицентре борьбы за трон, понял: даже если ты предельно осторожен, тебя всё равно используют как ступеньку к власти. Он всего лишь хотел выжить, но раз ему не давали этого сделать, оставалось только одно — самому вступить в схватку за судьбу.

В самые отчаянные моменты он всегда вспоминал об А-Чэне.

Будь А-Чэнь рядом, он защитил бы его любой ценой. Но пока его не было, Чжунье приходилось сражаться в одиночку.

Борьба за власть всегда оборачивается кровью. Но ведь у престола должен быть хозяин, верно?

Так почему им не может стать он?

Разве он виноват в том, что шёл к цели любыми средствами? А если так, то в чём вина А-Чэня, который поступил точно так же?

Бай Чжунье наконец поднялся и медленно сошёл по ступеням. Когда он откинул полог занавеси, его взору предстало измождённое лицо Му Няньчэня.

Они не виделись долго, и за это время дух смерти, окружавший генерала, стал ещё ощутимее. Несмотря на то, что Няньчэнь всегда тщательно смывал кровь после битвы, прежде чем спешить во дворец Шаохуа к своему принцу, запах крови, казалось, въелся в его кожу.

На его счету было слишком много душ. Эти кровавые долги ему не выплатить и за десять жизней.

— А-Е... — Няньчэнь вздрогнул, увидев белый край одежд. Сердце его пропустило удар. Он поднял глаза, встретившись с чернильно-чёрным взглядом Чжунье, и нерешительно позвал его по имени.

Он и не надеялся, что принц захочет его видеть. Думал, что так и просидит здесь на коленях до

самого рассвета.

От того, что Чжунье сам подошёл к нему, в груди Няньчэня, казалось, прорвало плотину, сдерживавшую чувства долгие годы.

Чжунье посмотрел на него сверху вниз. Голос его прозвучал глухо и надтреснуто:

— Му Няньчэнь, я больше не питаю к тебе ненависти.

Генерал просиял.

— Ты был прав, мне не за что тебя ненавидеть. Властители меняются, таков закон. С незапамятных времён империи рушились и возрождались на костях, утопая в крови, — продолжал Чжунье. — Государству Цзин была предначертана эта участь, такова воля небес. Жаль только, что всё рухнуло прежде, чем я успел взойти на престол. Смута пришла слишком быстро... Му Няньчэнь, ты пришёл слишком рано.

Он надеялся, что с возвращением Няньчэня для него наступит эпоха процветания. Но вышло иначе... Государство, которое Няньчэнь поднёс ему на блюде, было уже не тем. Как он, принц павшей империи, мог принять такой дар?

Няньчэнь резко вцепился в подол его одежд. Чжунье не отстранился, но его холодный взгляд больно уколол генерала.

— А-Е, Государство Цзин не пало! Всё по-прежнему принадлежит тебе. Оглянись: все земли, что ты видишь, — твои. А те, что не видишь, я рано или поздно завоюю для тебя. Ты — наш государь, владыка поднебесной!

— Это твоё Государство Цзин, — Чжунье отвёл его горячую руку и направился вглубь покоев. — Му Няньчэнь, к чему этот обман? Мы оба знаем правду. Пока ты был на границе, ты втайне сговорился со своими людьми, обвёл всех вокруг пальца и ворвался в столицу. Ты повёл тысячи воинов на мятеж, застав отца врасплох. Ты — тот, кто теперь вершит судьбы.

— Теперь у власти род Му, и именно ты должен быть королём. А я — лишь пленник, живущий из твоей милости. Когда ты стоишь передо мной на коленях, в какое положение ты меня ставишь? — Чжунье обернулся, глядя на его застывшую фигуру.

— Пленник... Нет, у меня и в мыслях такого не было!

— Но ты так поступил. Десять лет ты планировал, как отобрать у меня трон, не так ли? Ты лгал мне, скрывал правду, унижал меня... А теперь, вернувшись с победой, разыгрываешь эту сцену? Что ты задумал на этот раз?

— Да что я мог задумать! — Няньчэнь вскочил на ноги. — Посмотри мне в глаза! Разве я хоть раз предал тебя? Всё, что у меня было и есть, — это моё сердце, которое всегда принадлежало тебе!

Голос Няньчэня дрогнул. Этот суровый, закалённый в боях мужчина выглядел так, словно готов был расплакаться в любую секунду. Его отчаяние заставило бы содрогнуться любого слушателя.

И всё это было заслугой Цзянь Линя.

***

Первая сцена подошла к концу.

Актёры направились в студию для чистовой записи. Чэ Жуйхэ шёл следом за высокой фигурой Цзянь Линя, низко опустив голову и храня молчание. Он всё ещё не мог полностью выйти из образа; меланхоличное настроение сценария тяжёлым грузом лежало на сердце. Ему доводилось читать множество текстов, но этот впервые так сильно задел его за живое. Каждый раз, когда они репетировали с Цзянь Линем, Жуйхэ казалось, что он без труда сливается со своим героем, ведомый уверенной игрой напарника в этот призрачный, вымышленный мир.

Цзянь Линь, всегда чутко улавливающий перемены в его состоянии, внезапно остановился и обернулся. Задумавшийся Чэ Жуйхэ на всём ходу уткнулся ему прямо в грудь.

— Ой! — Жуйхэ зажмурился, потирая ушибленный лоб, и с досадой проворчал: — Ты чего застрял?

— Вспомнил кое-что.

— Что именно?

— Господин Лян завтра вечером устраивает банкет в мою честь, — Цзянь Линь обезоруживающе улыбнулся и развёл руками. — Ты ведь придёшь?

— Разумеется, — Жуйхэ невольно зевнул. — Как я могу не оказать честь самому Хозяину Цзяню?

— Устал?

— Вовсе нет... — Жуйхэ осёкся. Цзянь Линь подошёл слишком близко, они стояли почти плечом к плечу. Почувствовав, как щёки начинают гореть, Жуйхэ опасно огляделся по сторонам и, упёршись ладонями в грудь напарника, попытался его отстранить: — Пойдём уже

внутри.

Но Цзянь Линь неожиданно обнял его, положив подбородок ему на плечо.

— Ты голоден? Может, сначала поедим? — спросил он низким, гулким голосом.

Атмосфера мгновенно стала слишком интимной. Жуйхэ вспыхнул до корней волос. Почувствовав, как краска заливает лицо и шею, он изо всех сил попытался оттолкнуть нависшего над ним мужчину:

— Дапусти ты меня! Дай встать!

<http://bllate.org/book/17503/1659171>